

АРИНА АРСКАЯ

(НЕ) ВАША
ДЕВОЧКА

Арина Арская (не)ваша девочка

<https://litres.ru/74294198>

Аннотация

— Нам нужна секретарша, — Тимур лениво покачивается в кресле и обнажает ровные белые зубы в недоброй улыбке, — исполнительная, старательная и стрессоустойчивая. Слышу в его голосе липкую двусмысленность. Рома, присев на край стола, согласно кивает словам друга: — Нас же двое, Анята. Справишься? — Будто у нее есть выбор, — смеется Тимур, и у меня от его смеха спирает грудь страхом. — Ну, Одинцова, юбочку повыше...

ХЭ

Содержание

Глава 1. Два демона и скромница	4
Глава 2. Не радужные перспективы	8
Глава 3. Хищники	13
Глава 4. Отчаяние	18
Глава 5. За серьезных девочек!	22
Глава 6. Поцелуи со вкусом виски	26
Глава 7. Капризные мальчики	30
Глава 8. Хитрые провокации	34
Глава 9. Поцелуи и вопросы	38
Глава 10. Не убежишь	42
Глава 11. Гостеприимство	46
Глава 12. Большая выдумщица	50
Глава 13. Впечатлительная жертва	54
Глава 14. Упрямая девочка	57
Глава 15. Извращенцы!	61
Глава 16. Непослушная девочка	65
Глава 17. Босая и слабая	69
Глава 18. Простой выбор	74
Глава 19. Новая переменная в сложном уравнении с разбитой машиной	78
Глава 20. Рыночные цены	82
Глава 21. Наша умница	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Два демона и скромница

— Одинцова, — Тимур скалит зубы и щурит черные глаза, — как твое ничего?

— Анна, — отставляю стакан с лимонадом.

— Анюта, — Рома усмехается, откинувшись на спинку стула, — все та же стерва.

Роман Чернов и Тимур Уваров. Эти два демона изводили всех вокруг: родителей, учителей и одноклассников. Мне повезло. Моя мама была завучем и поэтому эти два товарища максимум могли подшутить и потребовать списать. В старшей школе сидели позади меня.

На первые уроки всегда опаздывали, с последних нагло уходили, а на тех, что решали отсидеть, занимались чем угодно, но не учебой. Обсуждали одноклассниц, строили планы кого из параллели отмудохать, спорили с учителями и чем-то вечно шуршали.

Теперь же по ним не скажешь, что были троечниками и мелкой шпаной. Костюмы дорогие приодели, часы люксовые на запястья нацепили и волосы назад зачесали. Открыли удачный стартап и рванули к вершине успеха, когда я, медалистка, олимпиадница и гордость мамы застряла на скромной должности архивариуса после окончания университета.

Я ведь не хотела идти на встречу одноклассников. Семь лет прошло, а я так ностальгии по школьным годам не по-

чувствовала. Думаю, что и через пятнадцать не накроет.

— Мальчики, — к столу подплывает Света Рыжкина, которую по слухам эти двое после выпускного отымели, — пойдёте танцевать.

А ведь и правда могли одну девушку на двоих поделить. Совести у них никакой, как и стыда.

— Иди, Светусь, — Рома поднимает на нее взгляд и холодно улыбается, — сама потанцуй.

Тимур от меня глаз не спускает и игнорирует поцелуй Светы в висок. Она недовольно зыркает на меня, а я хочу ей напомнить, что она как бы замужем и ребенка пару лет назад родила.

— Как мама? — Рома вновь смотрит на меня. — Директором не стала?

— Нет, — коротко отвечаю я. — Вернулась к преподаванию. Теперь она просто учительница русского.

— А что так? — Тимур вскидывает бровь.

— Нервотрепки много.

— Я, кстати, думал, — Рома поддается вперед с улыбкой, — что ты станешь учительницей.

— Тебе бы пошло, — Тимур медленно кивает. — Учительницей математики. Будь ты моей учительницей, я, может, ударником стал или отличником.

— Вряд ли, — скрещиваю руки на груди. — Я бы тебе и тройку не поставила.

— Я бы нашел к тебе подход, Одинцова.

— Анна.

— А как по бабушке? — Тимур поглаживает подбородок

— Сергеевна.

— Анна Сергеевна, — тянет с глумливой улыбкой Рома, — я хочу исправить двойку.

— А я окно разбил в кабинете и мне очень стыдно, — Тимур тихо и с приятной хрипотцой смеется. — Анна Сергеевна, договоримся?

Перезоуж взгляд с одного шутника на другого и медленно моргаю, пытаясь в молчании донести им, что Анна Сергеевна не желает вести с ними беседу.

— И взгляд тот же, — Тимур смехается и пальцами стучит по столешнице.

— Я же говорю, не изменилась.

Я встаю и молча иду прочь. Очень неудобно в их обществе. Взгляды — изучающие и цепкие, улыбки — циничные и плотоядные. Пока за столом сидели все, было терпимо, потому что их отвлекали разговорами, глазки строили и лебезили в надежде нырнуть под их покровительство. И да, тачками их восхищались. Когда все рассосались, кто к бару пошел за добавкой, кто танцевать, эти двое остались и устроили мне допрос.

— Так же к доске выходила, — долетает до меня смех Тимура. — Голову вскинет и поплыла мимо парт.

Выхожу из зала в коридор и выдыхаю. Пол вибрирует от приглушенной музыки, и я шагаю по ковровой дорожке в

уборную, где мою руки, рассматривая отражение в зеркале. Так, макияж не поплыл, волосы не торчат...

— Одинцова, — слышу хриплый голос Тимура.

Привалился плечом к кафелю и без зазрения совести разглядывает меня с головы до ног. В проеме двери стоит Рома, спрятав руки в карманы.

— Во-первых, Анна, — вытираю ладони салфеткой и швыряю в мусорное ведро, — а во-вторых, мальчики, вы ошиблись дверью. Это женская уборная.

— Нет, мы не ошиблись, — Рома мягким шагом обходит меня, смеривая оценивающим взглядом. Встает за спину и шепчет на ухо, — Анюта...

Меня будто пробивает электрическим разрядом от его горячего выдоха. Хочу сделать шаг вперед, но он стискивает мои плечи. Тимур с ехидной ухмылкой неторопливо подплывает ко мне и скользит взглядом по лицу. Сердце пропускает удар и будто подпрыгивает к горлу.

— Одинцова...

— Анна, — сдавленно шепчу я.

— Тогда уж Анечка, — касается пальцами подбородка и поднимает лицо к себе.

Мочку обжигает влажный и горячий язык Ромы, а Тимур наклоняется, и я с визгом расталкиваю двух наглецов под их легкий шелковый смех. Выскакиваю из уборной и слышу:

— Беги, Одинцова, беги.

Глава 2. Не радужные перспективы

— Что ты сделал? — тихо переспрашиваю я у Андрея, младшего брата, которому еще год до выпуска из школы.

— Разбил его тачку! — он имитирует удары битой по невидимой машине и скалится в гримасе злобы. — Мудачила!

Мама напротив меня всхлипывает, а Андрею, похоже, начхать на то, что он натворил серьезных дел.

— Он увел у меня девушку, — делает круг по кухне и отворачивается к окну. — Козел. Мажор хренов.

И этот “мажор хренов” вместе с отцом заявился к маме и Андрею домой и выкатил счет на ремонт “тачки”, а “тачка” там не простая. Не жигуль, а какое-то лимитированное корыто. В общем, папуля мажора не купился на слезы мамы и сказал, что пусть продает “свою халупу” и оплачивает ремонт, а наш Андрюша, которому с детства дуют в попу, невероятно горд собой.

— Ма, но у меня тоже таких денег нет, — я издаю нервный смешок. — У меня едва хватает зарплаты на аренду комнаты.

— А я знаю, у кого они есть, — мама всхлипывает.

Я в ожидании вскидываю бровь.

— У Тимура и Ромы, — она криво улыбается и торопливо добавляет, — я с ними уже связалась и попросила помощи.

— Так, — у меня сердце нехорошо вздрагивает в груди.

— И они сказали, что... как же они сказали...

— Перетрут этот вопрос с тобой, — Андрей разворачивается ко мне на пятках и шмыгает.

— Да, перетрут, — кивает мама и не мигая смотрит на меня. — Ань... мы останемся без крыши над головой.

— Ма, а с чего ты взяла, что они мне денег дадут?

— Вы же дружили в школе, — мама пожимает плечами.

— Нет, мы не дружили, — качаю головой. — Пару раз у меня списали и только.

— Дружили, — упрямо повторяет мама. — Ань, я их вечно к директору таскала и родителей вызывала. Со мной они сквозь зубы поговорили, а с тобой... Ань, нам больше не у кого попросить такую сумму, а они... серьезными людьми стали, — опускает взгляд и вздыхает, — еще припомнили мне, как я их в будущих уголовников записала. Ань, — поднимает глаза, — но вот кто бы мог подумать, а? Уваров и Чернов выбились в люди.

— Ма, — сжимаю переносицу, — я не буду с ними ничего перетирать.

— Тогда мне ноги битой переломают, — бурчит Андрей.

— И мы будем жить на улице, — Мама опять всхлипывает и сжимает в кулаке платок. — Ань, друзья для этого и существуют, чтобы помочь в сложной ситуации. И ты ведь займы попросишь, а не просто так.

— А кто долг отдавать будет? — я откидываюсь на спинку

стула и машу рукой в сторону мрачного и обиженного Андрея. — Он? Может, пусть ноги и переломают? Может, тогда у него мозги включатся?

— Он мою телку увел!

— Вот и иди сам к Уварову и Чернову! — рывкаю на Андрея. — Они тебя поймут! Такими же идиотами были!

Андрей польщено улыбается и плечи распрямляет. Уже видит, как он добивается успеха и богатеет, а его “телка” ползет к нему на коленях. Затем он поджигает губы и отворачивается:

— Я ходил, но меня охрана не пустила.

— Ань, у нас пять дней осталось, а после... — мама вздрагивает и воет в платок, — Ань, но вы же хорошими друзьями были в школе!

— Да не были мы друзьями! Ты ведь сама меня предостерегала, чтобы я с ними шашни не водила и угрожала тем, что переведешь на домашнее обучение, если узнаешь, что...

— Вот ты и скрывала от матери всю правду! — жалобно вглядывается в глаза. — И я не злюсь, Ань. Хорошие мальчики, оказывается. Серьезные. С такими и надо дружить. И мне жаль, что я запрещала тебе с ними общаться. Кто ж знал...

— Ма, ты сейчас серьезно? — мои брови ползут на лоб. — Не водила с ними дружбу втайне от тебя.

— Да какая разница, водила или нет, — голос мамы дрожит истерикой, — сейчас дружи! Твою мать и брата ждет не радужная перспектива оказаться на улице! Инвалидами! А

после к тебе придут!

Я встаю, подхожу к Андрею и хватаю его за ухо:

— Мелкий ты говнюк! Телку у него увели! — поскрипываю зубами, а он кривится и нос конопатый морщит. — Я бы тебе сама ноги переломала!

Выпускаю его из злой хватки, одариваю легкой затрепачкой и сердито покидаю кухню, одернув рукава блузки.

— Стерва, — шипит Андрей, и возмущенно оглядываюсь.

— Что ты сказал?

— Ничего, — трет ухо и отводит злые глаза.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Ему стыдно, — мама кивает и с надеждой смотрит мне в глаза, — Ань, он мальчик. Вот такие они. Несдержанные, агрессивные и...

— Бессовестные, — я приглаживаю волосы и вздыхаю, — ма, я считаю, что у Андрюши серьезные проблемы если не с мозгами, то с проявлением гнева. Его бы к специалисту или хотя бы к школьному психологу.

— Я его отведу к психологу...

— Ага, — фыркает Андрей, — скорее уж отвезешь на инвалидном кресле.

Обуваюсь в прихожей и минуту медитирую на соломенно-го домовенка, что висит над зеркалом. Это я его мастерила в шестом классе. Пыльный, старенький и с выцветшей бумажной рубашкой.

— Ма, я ушла, — выхожу на лестничную площадку и бес-

шумно закрываю дверь. — Проклятье!

Глава 3. Хищники

Андрей, конечно, балбес, но я не хочу, чтобы ему ноги ломали и оставили его и маму без квартиры. Если бы у меня какая-то богатая девчуля в школе увела парня, то я бы в туалете поплакала и успокоилась. Зачем разбивать машину битой? И теперь вопросов, почему у Андрея все плохо с учебой, у меня нет. Он глупый.

Сажу в просторном и светлом кабинете с окнами на всю стену. В удобном низком кресле. Передо мной за широким столом восседает Тимур, а рядом стоит Роман, который минуту назад вышел из двери, что, вероятно, ведет в его логово. У “мальчиков” сдвоенные кабинеты, и, видимо, они друг к другу постоянно в гости заглядывают.

Могли бы в одно помещение поставить два стола, благо тут места для целого мебельного цеха, но по статусу не положено. Они же оба — генеральные директора и каждый должен сидеть в своей пафосной норе.

— Какая неожиданность, Анята, — Рома улыбается. — Ты по какому вопросу?

— Вы ведь и так в курсе, — шевелю пальцы в тесных туфлях.

— Нет, — пожимает плечами Тимур. — Может, ты соскучилась? Или решила извиниться, что убежала со встречи и не попрощалась?

— Да, было невежливо, — с осуждением вздыхает Рома.

— Спокойно беседовали, а ты раз и убегаешь.

— В туалете беседовали, — чувствую, как у меня ноздри раздуваются от гнева. — В женском туалете.

— И? — Тимур вскидывает бровь. — До этого ты из-за стола встала и молча ушла. Ни извините, ни до свидания. Вот мы и подумали, что ты намекаешь, что хочешь поговорить в более интимной обстановке. Мы ошиблись?

Издеваются и наслаждаются тем, что я не могу послать их далеко и надолго.

— Мой младший брат разбил чужую машину...

— А, ты об этом, — Рома цокает, — да Инна Витальевна звонила. И знаешь, если ты не изменилась, то мама твоя — другой человек.

— Никаких криков, — Тимур удивленно разводит руками в сторону, — оскорблений и угроз. Вежливая женщина, а ведь я от нее ни один подзатыльник получил.

— Неправда.

— Конкретизируй, — глаза Тимура вспыхивают недовольством.

— Мама не поднимала руку на учеников.

Тимур переглядывается с Ромой и зло смеются, а я удивленно хлопаю ресницами. Мама не садистка. Да, возможно, могла вспылить, но подзатыльники?

— Это она с отличниками ворковала, — Тимур поправляет галстук и хмыкает. — И с дочуркой. Да, Одинцова?

— Анна.

— Анечка, — щерится в улыбку, — но согласен, как с тобой не ворковать? Ты же такая милашка была. До сих пор помню твои банты на линейке в первом классе.

— Вы потом эти банты с меня сорвали, — скрежещу зубами.

— Так мы с тобой поговорить хотели, — Рома смеется.

— А ты что?

А я развернулась и букетом красных астр им по головам настучала, потому что отвлекали от важного события своими “эй, девочка, обернись” и “как зовут”.

— За бантики готов извиниться, — Рома прячет руки в карманы. — Не по-мужски было доводить девочку до слез.

— Я не плакала.

— Плакала, — Тимур усмехается.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Я бы и сейчас астрами Уварова и Чернова с удовольствием избила, потому что рожи их самодовольные бесят.

— Мне нужны деньги займы на ремонт машины, которую разбил мой младший брат, — тихо и медленно проговариваю я.

— Да, мы в курсе, — Рома перекатывается с пяток на носки, — готовы занять на три месяца. После трех месяцев под десять процентов на год.

У меня глаза лезут на лоб. Я за три месяца не смогу отдать сумму, которую можно получить с продажи двушки в

Подмосковье.

— Или, — Тимур подтягивается, как сытый кот, — есть вариант долг отработать.

— Каким образом? — сипло спрашиваю я.

— Нам нужна секретарша, — Тимур лениво покачивается в кресле и обнажает ровные белые зубы в недоброй улыбке, — исполнительная, старательная и стрессоустойчивая.

Слышу в его голосе липкую двусмысленность. Рома, присев на край стола, согласно кивает словам друга:

— Нас же двое, Аня. Справишься?

— Будто у нее есть выбор, — смеется Тимур, и у меня от его смеха спирает грудь страхом. — Ну, Одинцова, юбочку повыше...

Им не секретарша нужна. Они вздумали меня сделать личной потаскушкой на побегушках.

— Вы в своем уме? — сдавленно отвечаю я.

— Тебе деньги нужны, Одинцова? — Тимур поддается в мою сторону и щурится. — И я придерживаюсь мнения, что твоему брату надо нести ответственность за свои проступки, как и твоей маме. Это ее прокол в воспитании.

— Определенно, — соглашается Рома.

— Пусть продает квартиру и покрывает сына, а ты иди, — улыбка Тимура пробирает до самых костей. — Как обычно, гордо вскинув голову, а мы с удовольствием посмотрим на твою крепкую задницу. Я готов за твою попку, Одинцова, в мини хорошо заплатить и никаких, сучка ты высокомерная,

денег не жалко, чтобы ты входила в мой кабинет, потупив глазки.

— Да, — Рома ухмыляется, — и с чашечкой кофе. И без бюстгальтера под тоненькой блузкой.

И медленно встаю, а Тимур резко и с шуршанием отрывает из блокнота страничку, на котором что-то пишет. Протягивает листочек мне:

— Время на подумать до десяти вечера, Одинцова. Если согласна, то ждем по этому адресу.

Цепенею под черным взглядом. Рома выхватывает листок из пальцев Тимура, складывает его вчетверо и шагает ко мне. Встает вплотную и с улыбкой, от которой кишки завязываются в узел, просовывает записку в карман моего пиджака.

— Был рад новой встрече, Анята, — выдыхает в губы. — Ты, как всегда, очаровательна, наша милая отличница.

Отступаю под немигающими взорами, разворачиваюсь и торопливо цокаю прочь. Лишь бы не споткнуться и не упасть, иначе меня разорвут на части два голодных хищника.

Глава 4. Отчаяние

— Анечка, — всхлипывает мама, — милая моя. Ты понимаешь, что мы останемся на улице?

Я стою у окна и смотрю во двор, где играют дети. Хорошо, что соседка уехала к родителям и не слышит плач и стенания моей мамы, которая сидит за столом. Так и не притронулась к чашке чая. Хотя какой тут чай.

— Мам, они отказали.

Не буду я ей говорить, что Тимур и Рома сделали мне обратительное во всех смыслах предложение. Прямо они, конечно, не сказали, что отымеют меня, но прозрачно намекнули.

— Не лги матери, Анна! — шипит мама.

Я удивленно оглядываюсь.

— Я позвонила Тимуру, — цедит она сквозь зубы. — И он сказал, что они сделали тебе выгодное предложение...

— Выгодное предложение от Чернова и Уварова? — шагаю к маме и хмыкаю. — ничего в голове не щелкает? Ма, это уже не школьные хулиганы. Это взрослые мерзавцы, у которых ни стыда, ни совести.

— Мне перед тобой на колени встать? — мама утирает слезы с щек, а глаза полны отчаяния и страха.

Она порывает опуститься на колени, и я хватаю за локти:

— Ма, ты что творишь?!

— Ань, — шепчет она, — ты же старшая в семье. Ты не можешь бросить нас на произвол судьбы.

— Мам...

Если я сейчас из-за гордости и уязвленного эго взбрыкну и оставлю маму с результатом своего воспитания, то я до конца жизни буду вариться в чувстве вины. И я люблю маму, и не хочу, чтобы она столкнулась с жестокой реальностью, в которой она не сможет себе позволить квартиру в аренду. Ей светит комната в общежитии, коммуналке или хрущевке. Она и так живет очень экономно, а после будут они с Андришей сидеть на хлебе и воде.

— Ань, я тебя умоляю.

Ведь маме тоже неприятно унижаться. Сначала перед Черновым и Уваровым расстелилась коврик, теперь перед дочерью готова встать на колени. Обнимаю маму, и она опять громко всхлипывает.

— Ты Андрея к психологу записала.

— Ма, — отстраняюсь и заглядываю в глаза, — так не пойдет. Ты обещала.

— Отведу, солнышко, — хватает за руки и целует пальцы.

— Отведу, милая, только не бросай нас.

Я бы хотела, чтобы этой некрасивой и унижительной для меня и мамы ситуации не случилось, но вот я стою, а мои руки целует рыдающая родительница.

— Пей чай, ма, — вытираю ее слезы. — Все будет хорошо.

Когда мама уходит, я хочу спрятаться под кровать и при-

твориться мертвой, но вместо этого я принимаю душ, наношу макияж и минут пятнадцать гипнотизирую нутро шкафа. Я без понятия, как мне одеться на встречу с Тимуром и Ромой. Я бы напялила на себя скафандр, но его у меня нет, поэтому делаю выбор в пользу простого и строгого платья цвета бордо.

Около часа сижу за трюмо, глядя в печальное отражение. Я продаю себя бывшим одноклассникам, потому что мой брат - несдержанный и агрессивный идиот. Ладно, если бы я накосячила и отвечала за свои ошибки, но нет.

Вызываю такси. Пока его жду, подумываю позвонить маме с истерикой и заявить, что пусть она сама идет к Уварову и Чернову, но они ведь не заинтересованы в ней. И очень жаль. Ох, я бы посмотрела, как бы она рыдала и волосы дергала на голове.

— И почему вы, леди, — спрашивает меня пожилой и улыбчивый таксист. — Такая печальная в этот прекрасный летний вечер?

Я молчу. Нет желания вступать в разговор с незнакомцем, пусть он очень позитивный и добродушный.

— Моя бывшая жена с таким лицом подала на развод, — таксист тоскливо вздыхает. — Однако вы вряд ли на развод едете. Не припомню, чтобы в ночных клубах принимали заявления о расторжении брака.

— Ночной клуб? — я хмурюсь.

— Да, — бегло смотрит в зеркало заднего вида. — Пафос-

ное местечко для мажоров. У меня дочка мечтает в него попасть, но туда по приглашениям и каким-то токенам запускают. Может, у вас есть лишний? Или словечко замолвите?

— Я не думаю, что вашей дочери место среди тех, кто там веселится, — прижимаю пальцы к вискам. — Да и ночные клубы, в принципе, не место для приличных девушек.

— Я придерживаюсь мнения, что если и гулять, то в молодости, — таксист пожимает плечами. — Вот жена у меня не нагулялась, и что? Уже в пятый раз намыливается замуж, а я устал на ее свадьбы ходить, подарки выбирать и мужиками ее знакомиться.

Тоскливо вздыхает и замолкает, а я закрываю глаза. В клуб, значит, позвали? Ну, это было ожидаемо и предсказуемо.

— Приехали, барышня. Просыпайтесь.

Глава 5. За серьезных девочек!

Стою в сторонке от группы молодых ребят и девиц. Разодетые, красивые и обеспокоенные. Их мрачными взглядами буравят два охранника и нехотя пропускают к дверям ночного клуба, чья неоновая вывеска выжгла мне все глаза. Мне однозначно дадут от ворот поворот и никто слушать не будет, что меня якобы ждут.

— Одинцова, — вздрагиваю от тихого голоса Тимура. — Пришла?

Оборачиваюсь через плечо, и он меня одаривает белоснежной улыбкой. Хорошо выглядит. Светлая легкая рубашка с расстегнутым на несколько пуговиц воротом и узкие брючки из тонкой шерсти. Поигрывает ключами от машины, оценивающе меня осматривает и щерится в улыбке:

— А где же твое коронное “Анна”, Одинцова?

— Да лучше Одинцова, чем Анечка, — я хмурюсь.

— Тогда я отказываюсь от Одинцовой, — хитро щурится, — будешь Анечкой, Анечка.

Подплывает и локоть отводит, ожидая, что я возьмусь за него. Так я и делаю, потому что больше смысла выеживаться перед ним и строить из себя недотрогу.

— Вот и умница, — шепчет на ухо и ведет по тротуару к толпе.

Один из охранников отгоняют недовольных девиц и пар-

ней в сторону и молча пропускает меня и Тимура за красную ленту к черной двери, которую услужливо распахивает второй охранник. Нас провожают завистливыми взглядами, и мне хочется обернуться и сказать, что я тут случайно оказалась.

— Выдохни, Анечка.

— Мне тут не место.

— Почему?

— Потому что мне не нравятся такие заведения.

Я теряюсь в полумраке, вспышках света и громкой музыке. Тимур ведет меня через темный зал к стальной черной лестнице, у которой тоже стоят охранники. Они откидывают цепочку, кивают Тимуру, и мы поднимаемся на второй ярус, что поделен на несколько пятен низкими диванчиками и столиками.

— Ты просто не умеешь веселиться, Анечка, — с философскими нотками говорит Тимур, — поэтому и заведения такие не по душе.

За дальним столом нас ждет Рома, развалившись на диване с бокалом виски. На подлокотник скинут пиджак, галстук висит удавкой под расстёгнутым воротом. Улыбается и делает глоток крепкого пойла.

Я хочу сесть в кресло или на угол дивана, но Тимур вынуждает меня опуститься рядом с Ромой и сам садится по другую сторону. В ушах вибрирует музыка и отзывается чистым сердцебиением.

— Привет, Анюта, — его дыхание касается уха. — Рад тебя видеть. Очаровательное платье. Подчеркивает все твои достоинства.

Я обращаю на него взор и чувствую запах виски. Глаза Ромы блестят, зрачки расширены, а на лице играет легкая и пренебрежительная улыбка.

— Привет, Рома, — отвечаю я, и сдувает с моего лба тонкий локон.

Тимур тем временем раскладывает из ведерка металлически щипцами кубики льда и разливает виски в стаканы на два пальца.

— Я рад, что ты приняла верное решение, — Рома скользит взглядом по лицу и шее, — как маме не помочь, да? Что бы ты за дочь и сестра была? — вновь всматривается в глаза. — Именно эта твоя ответственность мне нравилась. Очень серьезная девочка.

Так и хочется дернуть Рому за ухо, чтобы показать, что я не только серьезная девочка, но еще очень злая. И ведь в школе я тоже постоянно боролась с этим желанием. Либо дернуть за уши, либо ударить учебниками по голове.

— Выпьем за серьезных девочек, — Тимур вручает мне бокал с виски и подмигивает. — А ты у нас самая серьезная.

Чокаются со мной, и я под их цепкими взглядами делаю глоток, который обжигает язык. Я чихаю, кашляю, и Тимур касается донышка моего бокала, намекая, что одного глотка для веселья мало. Делаю вдох и разом допиваю виски. За-

хватываю губами кубик льда и торопливо его рассасываю. Тимур и Рома переглядываются и вновь молча чокаются.

По шее и груди растекается тепло, ноги слабеют и немеют кончики пальцев. Я не пила раньше напитки крепче шампанского, и меня накрывает практически сразу. Мысли, что роем жужжали в голове, немного затихают и страх отступает. Я откидываюсь назад на мягкие подушки дивана и смотрю на высокий потолок в россыпи тусклых огоньков, что напоминают звезды.

— Анята, — Рома пробегает пальцами подбородку и шее.
— Не хочешь потанцевать?

— Анечка, — Тимур касается линии челюсти, — тебе стоит немного расслабиться.

Закрываю глаза, и теплые губы целуют меня в шею с двух сторон. Два языка скользят к мочкам и две руки поглаживают меня по бедрам.

Глава 6. Поцелуи со вкусом виски

Целуют под мочками, а руки поднимаются по внутренним сторонам бедер все выше и выше. От выдохов Тимура и Ромы мурашки бегут и волной расходятся по груди и животу. Я с усилием воли открываю глаза и мягко обхватываю их запястьями.

— Что? — хрипло спрашивает Тимур.

— Анюта, — шепот Ромы обжигает ухо.

Поддаюсь вперед к столику и тянусь к бутылке виски.

— Притормози, принцесса, — Рома забирает бутылку. — Выпили для настроения и достаточно.

— Для какого настроения? — уточняю я и чувствую, что язык мой немного заплетается. Почти незаметно. — Мне до вашего настроения еще несколько стаканов.

— Расслабься, Анечка, — мурлыкает в ухо Тимур. — Тут все свои. Шутка ли, одиннадцать лет в одном классе отучились.

Должно же быть в них хоть по капле стыда! Они оба вынашивают на меня грязные намерения и не по очереди... Прячу лицо в холодных ладонях, оперевшись локтями о колени. Будто мне было легче, если бы Уваров и Чернов решили ко мне подкатить по отдельности.

— Вас же двое, — шепчу я, — почему?

— Ты нас двоих в свое время продинамила, Одинцова, —

смеется Тимур и откидывается назад.

— Никого я не динамила, — оглядываюсь на него.

— Прелестно, — хмыкает Рома и отставляет бутылку, — она даже не поняла этого.

— Но ведь... — я смотрю теперь на Чернова. — О чем речь?

— Весь десятый и одиннадцатый класс, Анюта, ты нас игнорировала, — скалится в улыбке. — Никого из нас не замечала. Я Тиму на выпускном зуб сломал, а он чуть глаз не выбил из-за тебя.

— Не было такого, — шепчу я.

— Потому что ты, как обычно, свалила в детское время, Одинцова, — смеется Тимур. — Уплыла.

— И это оправдывает то, что вы сейчас творите? — я опять машинально тянусь к бутылке, и Рома легонько шлепает меня по ладони. Обиженно прижимаю ее к груди. — Драться вы решили сами.

— Как и сами решили на встрече одноклассников больше не быть соперниками, — Тимур пробегает пальцами по позвоночнику. — Ты вновь всколыхнула подростковое желание отыметь отличницу.

— Только вошла, — выдыхает в щеку Рома, — так в глазах потемнело, Анюта, и ты вновь даже головы в нашу сторону не повернула.

— Я ведь не хотела идти... — до боли закусываю губу и закрываю глаза. — Мальчики, мне жаль, что я не ответила

на вашу влюбленность... И... простите...

— Не простим, Аня, — Рома разворачивает мое лицо к себе, коснувшись подбородка теплыми пальцами, — нас не интересуют слова.

— Я не смогу... — я готова заплакать.

— Сможешь, — его пальцы скользят по шее к ключице, — у тебя зрачки расширены, дыхание сбивчивое и щеки тронуты румянцем.

— Я пьяная, — тихо оправдываюсь я.

— Тогда ты готова к танцам, Аня, — Тимур энергично поднимается на ноги и увлекает за собой, мягко сжав запястье. — Будем учить тебя развлекаться.

— Уверен, что ты не такая скромница, как хочешь казаться, — Рома грациозным хищником встает и берет меня под руку с другой стороны.

Шагаем к лестнице, спускаемся, и я хочу оттолкнуть нахалов и сбежать, но не потому, что я возмущена их словами и поведением. Я уловила под роем мыслей любопытство и волнение: меня к танцполу мимо столов и бара ведут красивые молодые мужчины, на которых обращены завистливые взгляды женщин и девушек. Длинноногих и ухоженных прелестниц в дорогих нарядах и искрящихся украшениях. Они хотят быть на моем месте.

Голова кружится от вспышек, а сердце бьется в такт громкой музыке. Рома и Тимур увлекают меня за собой через толпу танцующих ребят к центру под неоновые прожекторы и

обступают с двух сторон: Рома сзади, Тимур перед моим лицом. Я смущена до горящих огнем щек и ушей, но мне не убежать. Я приняла решение, каким бы он ни было сомнительным, и я дойду до конца. Наскучу, и они сами попросят меня сгинуть.

Закрываю глаза, скидываю руки и веду бедрами под музыку. Если я и танцевала, то в одиночестве, и сейчас представлю, что я одна. Абстрагируюсь от того, что по груди, талии и животу скользят руки Ромы, который бесстыдной жметя ко мне всем телом. Его губы касаются шеи, и меня к себе спиной разворачивает Тимур.

Я чувствую их возбуждение сквозь ткань брюк. Их поглаживания и поцелуи разгоняют кровь, и я тону в музыке, подчиняясь низким битам. Я сама не замечаю, как развратно жмусь то к Роме, то к Тимуру, нырнув в водоворот откровенного танца, но из него меня выдергивает глубокий и наглый поцелуй со вкусом виски. Не успеваю выдохнуть, как меня рывком разворачивают, и вновь рот накрывают жадные губы.

Слабо отталкиваю хмыкнувшего в лицо Тимура и отступаю. Натыкаюсь на чужую спину, кто-то заезжает локтем под ребра.

— Мне надо в уборную, — шепчу я и в панике протискаиваюсь через незнакомцев и незнакомок, прикрыв рот пальцами.

Глава 7. Капризные мальчики

Прикладываю влажную и холодную салфетку к щекам, а затем ко лбу. Я бы хотела думать, что я не ханжа, но поцеловаться с бывшими одноклассниками с перерывом в пару секунд — чересчур. Нет, если бы кто-то со мной поделился подобным в разговоре за чашечкой чая, то я не стала бы никого осуждать. Я бы удивилась, однако самой пережить такой опыт на танцполе среди толпы... Одной холодной салфеткой тут не обойтись. И не к лицу ее надо, конечно, прикладывать.

— Чья будешь, куколка?

Отвлекаюсь от салфетки и ледяного напора воды. К стену у двери уборной привалилась грудастая блондинка в коротком платье, которое едва прикрывает ее промежность. Потирает пальцами кончик носа и надувает из жвачки. Он лопается, и незнакомка несколько раз громко чавкает.

— Ты глухая?

Голос режет высокомерием и легким презрением. Вроде, улыбается, но от ее улыбки очень неуютно.

— Простите? — выжимаю влажную салфетку и выключаю воду.

Туфли жмут и икры ноют. В уборной царит интимный полумрак и по полу бежит слабая вибрация от музыки, что играет за дверью.

— Я спрашиваю, чья будешь?

Я не понимаю, чего от меня эта стервозная блондинка хочет. Почему она ко мне пристала? Это невоспитанно с таким нахрапом лезть к незнакомому человеку, который пытается собрать мысли в кучу.

— Уточните, пожалуйста, вопрос, — вежливо улыбаюсь.

— Под чьей крышей? — она вскидывает бровь. — Кто курирует? Я тебя тут раньше не видела и не припомню среди других девочек. Новенькая, что ли?

От вопросов веет чем-то грязным и липким.

— Расслабься, — она улыбается, — мне просто любопытно, кто угодил этим двум охламонам. Ни одна из девочек их не удовлетворила.

— Простите?

— Ой ладно тебе, — она заливисто смеется, — я своя. В эскорте года два, — она задумчиво поднимает глаза к потолку и опять на меня смотрит, — два с половиной.

Выплевывает жвачку в урну и подходит к одной из раковин. Осматривает отражение и косит на меня глаза:

— Только не говори, что ты в первый раз и тебе не повезло сразу с двумя клиентами, — усмехается, — два члена для такой милашки будет многовато.

У меня нет слов, чтобы выразить свое негодование, и я просто молчу и моргаю. Вот за кого меня можно принять? За эскортницу? Но с другой стороны, кто будет двумя мужчинами откровенные танцы танцевать, а потом целоваться.

— И скольких ведь забраковали, — печально вздыхает и

ноготком поправляет ресницы, поддавшись к зеркалу. — И типаж требовали один и тот же, но все им не так было.

— Какой типаж? — сипло спрашиваю я и боюсь услышать ответ.

— Твой, — разворачивается спиной к зеркалу, приподнимается на носочках и оценивающе оглядывает в отражении на попу. — Только посмотрят и сразу в отказ. Не то и все тут. Им и целок предлагали, а они носы воротили, но, — поправляет узкий подол и хитро мне подмигивает, — за такие деньги мальчишки могут и покапризничать, да?

У меня одно желание забиться в угол или просочиться в слив раковины.

— Ты хоть поделись секретом, — подплывает ко мне вплотную и осматривает сверху вниз, — что их интересовало?

— Сгинь, — вздрагиваю от злого и холодного голоса Ромы за спиной.

Незнакомка меняется в лице. Расцветает очаровательная улыбка, веки томно прикрывает и грациозно дефилирует прочь походкой от бедра. Я удивленно провожаю ее взглядом. Секунду назад она была беспардонной грубой нахалкой.

— Хорошего вечера, Роман, — воркует сладким голоском и покидает уборную, как молодая королева.

— И что тебя вечно тянет в туалеты, Анюта? — Рома бурлит меня пристальным взглядом и прячет руки в карманы брюк.

Я в ответ швыряю ему влажную и мятую салфетку в лицо. Я зла. Одно дело одноклассницу принуждать к близкому общению, а другое искать мою копию среди эскортниц. Уворачивается от снаряда, и салфетка шлепается на пол.

— Я вам не проститутка.

— Что ты, Анюта, — скалится в надменной улыбке, — у нас с тобой лишь сделка. Упустим, что она касается денег.

— Я ведь просила в долг... — с укором смотрю в его колкие глаза.

— И долг мы с тебя требуем, как считаем нужным, — распахивает дверь. — И сейчас мы желаем поразвлечься и хорошо провести время. На выход, Анюта. У нас еще целая ночь впереди.

Глава 8. Хитрые провокации

— Давай ты конкретно скажешь, — я подхожу к Роману вплотную и вглядываюсь в его серые глаза, — какая именно роль мне отведена в вашем веселье. Речь шла о секретарше и размытыми обязанностями заходить в кабинет без бюстгальтера.

— Роль нашей девочки, — поддевает указательным пальцем кончик моего носа. — И ты сейчас в бюстгальтере?

Я не успеваю ответить, как Рома ныряет рукой за спину и пробегает пальцами по застежке бюстгальтера ниже лопаток.

— Снимай, — улыбается во все тридцать два зуба.

— Это туалет для девочек, — в уборную вваливается две пьяных девицы и хихикают, лукаво взглянув на Рому, который игнорирует их игривый тон. — Какие мы серьезные.

— Снимай, — тихо, но жестко повторяет он, а затем наклоняется и шепчет, — и трусики. Они тоже лишние.

Сжимаю кулаки, сдерживая порыв хлестнуть наглеца по его самодовольной роже. Девицы у раковин затихли и с живым любопытством наблюдают за нами. Я знала на что шла. Я ведь и не думала, что я с Уваровым и Черновым буду нюхать ромашки на солнечной полянке.

Разворачиваюсь на носочках и шагаю под пристальным взглядом Ромы к одной из кабинок. Запираюсь. Девицы опять хихикают, а я задираю подол. Снимаю трусики и с

осуждением смотрю на влажную ластовицу в разводах вязкой смазки. Позорище.

— Может, и нам что-нибудь снять? — мурлыкает одна из девиц.

— Нет, — коротко и равнодушно отвечает Рома.

Девыцы заливисто смеются, а я одергиваю юбку. Расстегиваю замок на спине, скорчив рожицу презрения к двум нахалкам, которые решили охмурить Рому. Замираю. Это, что, ревность? Здрасьте, приехали! Вынув руки из рукавов, стягиваю бюстгальтер.

— Тебе там помощь не нужна? — игриво спрашивает Рома, и девыцы смеются, а он повышает голос до звенящей стали. — Ротики закрыли.

Замолкают, а затем шепчут:

— Извини.

— Вышли и оставили нас.

— Но это женский туалет...

— Да мне начхать, куколки, — зло смеется Рома. — Вышли.

Стук каблуков, и я тяну молнию за язычок замочка вверх. Застревает. Буквально после нескольких сантиметров.

— Проклятье.

— Что у тебя там?

— Ничего, — едва слышно попискиваю я и дергаю замок, а он не поддается.

— Анята, ты не умеешь врать.

— Молнию заело, — зажимаюсь и закусываю губы.
Легкие шаги и стук в дверь.

— Я пришел к тебе на помощь, — ласковый шепот вызывает во мне мурашки. — Открывай.

Отпираю дверь и поворачиваюсь к унитазу спиной, прижимая нижнее белье к груди.

— Анята... — пробегает по позвоночнику теплыми пальцами и без усилий застегивает замок, — ах ты, маленькая шалунья, нашла повод меня позвать в кабинку?

И глупо отпираться, что замок действительно заело. Какая нелепая ситуация! И я опять в туалете, но теперь уже и без трусиков. И гордо не сбежать.

— Хитро провоцируешь, Анята, — поглаживает шею кончиками пальцев.

— Что вы там застряли? — раздается громкий и требовательный голос Тимура.

Рома вытягивает из моих руку трусики и бюстгальтер. Прокручиваю в голове сценарий, как я в драке отвоевываю белье, но даже в фантазиях я проигрываю. Рома выходит из кабинки, и я следую за ним.

— Избавились от лишнего, — он бессовестно выбрасывает трусики и бюстгальтер в корзину к мятым бумажным салфеткам. — И более конкретно обсудили вопрос нашей сделки.

— Даже так? — Тимур приваливается плечом косяку и вскидывает бровь.

— Ты же все уяснила? — Рома оглядывается со снисходительной улыбкой.

Да я и в кабинете с окнами на всю стену все уяснила, но не желала признавать, что попала в западню с двумя беспринципными негодяями, которые из невзаимной влюбленности решили на мне отыграться.

— Да, мне... — вздыхаю и поднимаю взгляд с носок туфель, — все предельно ясно, мальчики, но я все же скажу, что...

— Не будь занудой, Одинцова, — отмахивается Тимур. — ты ничего нового не скажешь. И если ты все поняла, то иди и поцелуй меня.

Конечно, у меня спирает грудь горячим возмущением от приказа. Опять сжимаю кулаки, и ногти впиваются в кожу.

— Я не буду тебя целовать тут.

— Почему?

— Это женская уборная! — взмахиваю рукой.

— О, Анюта, — смеется Рома, — поверь, тут не только целуются.

— Хорошо, где ты меня поцелуешь? — Тимур клонит голову набок.

— На улице! — рывкаю я и замолкаю, потому что я в очередной раз поторопилась и не продумала ответ.

— Да, я тоже хотел предложить выйти и проветриться, — кивает Рома и шагает прочь размашистым шагом. — Подышать свежим воздухом.

Глава 9. Поцелуи и вопросы

Выходим из клуба. Тимур с Ромой впереди, а я дефилирую за ними. Лицо у меня кирпичом, пусть внутри я вся извелась. Я согласилась на гнусные игры, которые уже начали меня менять. Еще неделю назад я бы в обморок упала, если бы прошла мимо толпы людей без трусиков. Да, они не в курсе, но я ведь знаю, что на мне нет белья и это меня... волнует.

Я вся такая плыву за Черновым и Уваровым высокомерной стервой, а под платьем ничего нет. Возмутительно, конечно, но это своего принудительный бунт против принципов и скромности, которым я невероятно гордилась.

Идем по тротуару к пустому летнику одного из баров. Над проемом висит табличка предупреждающая, что терраса на ремонте. Рому и Тимур ныряют в темноту, а я аккуратно переступаю кривую дощатую ступеньку.

— Осторожно, — Тимур подсвечивает смартфоном дыру между досок, и я ее неторопливо обхожу, глухо постукивая каблуками о дерево, с которого слезла краска.

— Ну, — Рома стоит у третьего по счету от входа стола и подманивает к себе рукой. — Не бойся, Анюта, я тебя не съем.

Подхожу к нему. В интимном полумраке пахнет пылью. До нас доносятся приглушенная музыка.

— Целуй, — улыбается и добавляет, — в губы, Анюта, а то я тебя знаю...

— Нет, не знаешь, — зло обхватываю его лицо ладонями и решительно впираюсь в его полуоткрытые губы.

У меня нет выбора. Отнекиваться, истерить и возмущаться — толка не будет. Я уже и так прямым текстом говорила, что я думаю о каждом из них. Целую, но без языка, потому что моя смелость иссякла, как только наши губы соприкоснулись.

— И кто так целует? — Рома возмущенно отстраняется. — Анюта, впечататься в меня губами недостаточно.

— Как умею, — пожимаю плечами.

Подхватывает за талию, отрывает от пола и усаживает на стол:

— Тогда я научу тебя.

Тимур в стороне хмыкает, а упираюсь руками в грудь Ромы, немедленно вспыхнув смущением. Резко разводит колени в стороны, а затем делает шаг. Он между моих ног.

— Не советую кусаться.

Въедается в губы, проталкивает язык за зубы и душит в объятиях. Какой тут кусаться? Я от его голодного напора забываю как дышать и моргать. Поглаживает по бедру, медленно его оголяя. Удары сердца оглушают, мозг плавится от головокружения, и Рому сменяет Тимур, который рывком подтягивает меня к себе и раздвигает ноги шире. Платье трещит по швам.

— Что же, — вглядывается в глаза, — покажи, чему тебя научил Рома.

Толкаю его в испуге в грудь. Хватает запястья, сжимает и заводит за спину.

— Двойка, Одинцова. Закрепим пройденный материал.

Пожирает мой мычащий рот, а затем и вовсе всасывает мой язык, не дождавшись от меня взаимности. Мне больно и страшно от его агрессивного поцелуя, но сделать ничего не могу.

— Ты совсем не стараешься, Одинцова, — выпускает мой язык из влажной и горячей ловушки. — Это не двойка, это кол.

Такое ощущение, что мой язык опух и онемел.

— А теперь контрольный вопрос, — Тимур разжимает пальцы на запястьях, чтобы через секунду сдавить ими набухшие соски сквозь ткань платья. Позвоночник и затылок простреливает искрой дрожи. — Ты все еще девственница?

Я в отчаянии распахиваю глаза. Рома усаживается на край стола вплотную ко мне и поглаживает колено.

— Отвечай, Анюта.

Тимур мягко дергает за соски, требуя ответа. Новый разряд бежит по позвонкам и уходит в ноги. Молча и коротко киваю.

— А ротиком кого-нибудь радовала? — шепчет на ухо Рома.

Зажмуриваюсь, мотнув головой. И почему мне стыдно?

Да, мне двадцать пять, но до этого момента не считала, что со мной что-то не так. Я была занята другими проблемами, а близость с мужчиной для меня — не просто быстрый перепахон на выпускном.

— А в попку баловалась? — Выдыхает в лицо Тимур, и я возмущенно открываю глаза. Ухмыляется. — Понял, Анечка, тебя без слов.

— На нас возложена большая ответственность быть первыми, — ладонь Ромы поднимается выше.

— Но думаю, — Тимур с ухмылкой убирает руки с моей груди и скользит пальцами по подбородку, — мы справимся.

Я его отпихиваю от себя, соскакиваю со стола под его тихий смех и убегаю. В очередной раз, но нет никаких моральных сил быть в обществе двух бесстыдников. Я отказываюсь от сделки.

Глава 10. Не убежишь

Нога ныряет в дыру между досок. Лодыжку простреливает боль, и я с удивленным ойканьем, выставив вперед и согнув вторую ногу, приседаю.

— Цела? — ко мне подскакивают Рома и Тимур.

Почему мне так не везет? И почему я такая неуклюжая и невнимательная?

— Не знаю, — жалобно всхлипываю. — Откуда здесь дыра?

— Мы же тебе про нее говорили, — Тимур аккуратно скользит ладонями икре к застрявшей в досках лодыжке. — Перелома, вроде, нет.

Рома подает руку, и я медленно встаю, осторожно вытягивая ногу из дыры. Тимур страхует и внимательно ощупывает щиколотку. Тянет. С медленным вдохом опираюсь на ногу, что меня подвела, и с шипением ее приподнимаю. Больно.

Тимур сидит передо мной на корточках и под мое болезненное мычание ступню ведет по кругу, а Рома прижимает к себе.

— Не вывих, — Тимур встает, — потянула.

— Вот что с тобой делать? — Рома с легкостью подхватывает меня на руки. — Все куда-то бежишь.

— От вас и бегу, — шепчу я.

Плакать хочу от отчаяния, но мои слезы точно порадуют

двух распущенных негодяев. Они, наверное, не одну девушку довели до истерик и рыданий.

— Я за льдом, — Тимур широким и энергичным шагом покидает летник.

Рома усаживает меня пыльный стул в углу террасы и садится передо мной на корточки. Резко свожу колени вместе. Вряд ли он увидит что-то в полумраке, но у него вполне хватит наглости залезть мне в трусики.

— Анюта, — поглаживает ноющую лодыжку и поднимает взгляд. Даже в полумраке вижу в его глазах желание, — сама вселенная теперь не позволит тебе от нас сбежать.

Его руки поднимаются от лодыжек по икрам к коленям и вновь опускаются. От его поглаживаний по бедрам к промежности бежит теплая волна и уходит внутрь живота. Я сглатываю, облизываю пересохшие губы и подумываю пнуть Рому, но ноги под его ладонями будто из желе.

— Почему у тебя еще не было мужчины? — проникновенно шепчет он.

Вопрос меня застает врасплох. Вот же наглец. Хочет утолить праздное любопытство?

— Я... — едва слышно отзываюсь дрожащим голосом, — я должна отвечать на этот нескромный вопрос?

— Нет, — Рома снимает туфли и проходит сухими ладонями по своду ступней, — но я бы хотел услышать ответ.

— Вероятно, — я взволнованно убираю волосы за и вздыхаю, — со школы ничего не изменилось. Высокомерие, ко-

торое я в себе не замечаю, отпугивало мужчин.

— Возможно, — он улыбается, — а еще, возможно, ты ждала нас?

— Не ждала, — честно отвечаю я, — Ром, вы меня в школе раздражали.

— Да мы в курсе. Ты нам об этом прямо говорила.

— Разве?

— Да, — он бархатно и низко смеется, — развернешься и шипишь: отвлекаете, бесите, замолчите, чем вы там шуршите?

— А чем вы шуршали? — я хмрюсь.

— Фантиками, — массирует пальцы. — Я всякими пустыми упаковками.

— Зачем?

— Чтобы ты обернулась. Просто однажды Тимур в классе шестом конфету развернул, а ты как оглянулась в поисках шума, — проминает мизинчики. — Ты бы видела себя. Две косы, брови вместе, губы поджаты. С того момента искали самые шуршащие конфеты.

В летник возвращается Тимур с пакетом льда и обходит дыру, в которую я угодила пять минут назад.

— Соскучилась?

— Нет.

— Твоя честность очаровательна, — подает пакет со льдом Роме, и тот прикладывает его к травмированной лодыжке.

Холод обжигает кожу, и закусываю губы.

— Знаешь, это забавно, — Тимур прячет руки в карманы и перекатывается с пяток на носки, глядя на меня сверху вниз, — ты даже в дыру провалилась грациозно и изысканно.

— Грации и изысканности вы искали в эскортницах? — перевожу на него сердитый взор.

— А еще вот этого взгляда, — обнажает зубы в улыбке. — Его не повторить и ведь уже маленькой девочкой так зыркала.

Лодыжка и ступня немеет подо льдом, и я не могу даже разозлиться, потому что меня отвлекает холод, который проникает уже в суставы и кости.

— Я вызываю такси, — Тимур утыкается в смартфон, и я на несколько секунд заморожено смотрю на его хищное лицо, которое стало еще резче в свете экрана. — Ко мне, Ром, или к тебе?

И тут я возмущенно охаю. Я-то по наивности думала, что они меня отправят домой.

— Давай к тебе, — Рома прижимает лед с другой стороны, — у тебя кровать больше.

Глава 11. Гостеприимство

Рома на переднем сидении рядом с водителем, а Тимур — у меня под боком. Поглаживает колено. Большая кровать, значит. Тимур еще меня заверил, что матрас ортопедический и ничего нигде не скрипит. Замечательно.

Через полчаса мы стоим в лифте и поднимаемся на девятый этаж. Да, мы в одной из башен Москвы-сити. Той, что повыше остальных. Прикидываю в уме сколько я буду лететь, если выпрыгну в окно. Долго. Вероятно, я умру от разрыва сердца, а не от встречи с асфальтом.

— А почему мы молчим? — спрашивает Тимур по левую сторону, придерживая меня за локоть.

— Предвкушаем, — тихо усмехается Рома. — Я лично запоминаю каждый момент в мельчайших подробностях.

А я вот абстрагируюсь, чтобы потом все забыть, однако отвлечься на левые мысли не могу.

— Анечка, — Тимур всматривается в лицо. — Ты очень мило краснеешь.

Медленно моргаю и не вступаю в диалог, потому что сейчас слова лишние. Ситуация аховая, и я бы предпочла в молчании принять свою участь, а не с комплиментами, от которых сердце яростно бьется о ребра.

Выходим из лифта в просторный, белый коридор с высокими потолками. Шагаем к одной из дверей по правую сто-

рону. Я опираюсь о руку Тимура, немного прихрамывая. Лодыжку тянет, а сердце коротко и часто стучит. Я в панике.

— Тебе у меня понравится, — Тимур проводит черной пластиковой картой под ручкой двери, и она с тихим писком отворяется.

Автоматически вспыхивает свет. Огромная прихожая, в которой поместится две моих комнаты. Белые стены, белая вешалка, белый шкаф. Рома меня приобнимает, а Тимур опускается на корточки и галантно помогает разуться. Хочу сделать шаг, но Рома подхватывает меня на руки и вносит в гостиную с панорамными окнами, за которым горят крошечные огоньки ночной Москвы.

Тут тоже все белое, кроме желтых подушек на большом диване, на который меня усаживает Рома. На стене огромная плазма, а под ней на низкой и длинной тумбе игровая приставка, джойстики и VR-шлем. Тимур, вероятно, исполнил детскую мечту. Под ногами пушистый и мягкий ковер.

Кидаю взгляд на кухонную зону в глубине гостиной. Обеденного стола нет, но есть высокая стойка с четырьмя барными стульями. Тимур шарится в верхнем ящике и достает аптечку.

Рома плюхается рядом пультом и по-хозяйски включает телевизор. Листает каналы до документального фильма об опоссумах. Диктор задушевным голосом вещает, как мама-опоссумиха любит деток-опоссумят. Залипаю на забавных зверушках и мысленно задаюсь вопросом: где шляется

папа-опоссум. С мамой все понятно, а вот с ее мужем все очень загадочно.

Тимур вновь присаживается передо мной и туго заматывает лодыжку эластичным бинтом. Можно было умилиться его заботе, но я-то знаю, к чему все идет, потому что после того как он хитро и ловко закрепил край повязки, он поглаживает мою икру и целует в колено.

— Так и будешь молчать? — спрашивает Рома и опять листает каналы.

— А что я должна сказать?

— Не знаю, — пожимает плечами.

— Хорошо, — вздыхаю, — я не думаю, что сейчас уместны разговоры.

— Сразу к делу? — Рома выключает телевизор и откладывает пульт. — Мне нравится твоя решительность.

Поддается в мою сторону, а я от него отшатываюсь и неуклюже валюсь на бок. Рома с легким и беззаботным смехом поднимает меня, и по другую сторону усаживается Тимур с пультом в руках.

— Может, вина? — спрашивает Рома, и Тимур кивает.

— Анечке не помешает. Она какая-то вся зажатая.

Наблюдаю, как Рома шагает на кухонную зону и достает из шкафа бутылку красного вина. Он будто у себя дома. Совершенно не стеснен. Через пять минут у меня в руке бокал с вином.

— Фильм посмотрим? — Тимур обращает на меня флег-

матичный лик.

Я с готовностью киваю, смущенно присосавшись к бокалу. На фильм я согласна.

— Отлично, — делает глоток вина.

Нажимает на кнопки, внимательно выбирает из длинного списка фильм, название которого я не успеваю прочесть. На экране голая миловидная девушка. Улыбается, закусывает губы и поглаживает себя по груди и томно вздыхает, глядя в камеру.

— Ты порно включил? — сипло спрашиваю я.

К девице подплывает голый и подкаченный брюнэт. Он обходит ее со спины, скользит ладонями по ее небольшой груди с темными сосками и нежно целует в шею.

— Тимур, — шепчу я, чувствуя, как под платьем набухают соски. — Выключи немедленно.

Глава 12. Большая выдумщица

— Выключи, — повторяю я и не могу даже моргнуть. —

Ты зачем порно включил?

— Разве это порно? — философски спрашивает Рома. —

Я думаю, что это эротика.

— Да, это не порно, — соглашается Тимур.

Мужчина на экране поглаживает девушку, целует. То в ухо, то в шею, то в плечо. Я делаю новый глоток терпкого вина. Хочу зажмуриться но ничего не выходит. Тимур и Рома кладут руки мне на колени

— А давайте... — шепчу я.

— Давайте, — выдыхает Тимур в ухо.

— Посмотрим про выхухолей... — продолжаю я, и рука скользит по бедру.

— Скучно, — тихо заявляет Тимур и проводит кончиком языка по изгибу ушной раковины.

Выдыхаю под стон девицы на экране, между бедер которой юркнула мужская рука. Я свожу ноги вместе, зажимая ладони Тимура и Ромы. Если они поднимутся выше, коснутся меня там, то у меня не будет шанса солгать, что я не хочу их поцелуев и ласк.

— А вы уже... — сдавленно шепчу я, — решили...

— Что решили? — Рома касается губами моей челюсти.

— Кто... — сглатываю и торопливо добавляю, — будет у

меня первым? Это же важно.

Мужчина на экране ведет девицу к дивану, но она не садится, встает коленями на подушки и упирается руками о спинку, бесстыдно выгнувшись в пояснице.

— Двух первых не может быть, — опять прикладываюсь к бокалу. — Наверное, вам обговорить этот вопрос по-мужски.

Я намекаю, что они должны взбрыкнуть, как настоящие эгоисты, и обязаны выяснить, кто меня лишит невинности. Подерутся, рассорятся, и я никому не достанусь. Так себе план, конечно, но надо хотя бы расшатать лодку.

— Анята... — дыхание Ромы обжигает лицо.

Вдвоем раздвигают мои колени. Мужчина на экране поглаживает аккуратную девичью промежность.

— Мы будем у тебя вдвоем первыми, — чувствую голодную улыбку Тимура кожей. — В попку твою тоже никто не заглядывал.

И мужчина, словно поддерживая его в словах, проскальзывает пальцем в анус сладко постанывающей девицы. И тут я теряю самообладание. Бокал выскальзывает из пальцев, заливая остатками вина платье на животе. На секунду это меня отрезвляет. Скидываю бокал с колен на мягкий ковер, встаю, позабыв об ушибленной лодыжке. Делаю шаг. Ногу простреливает болью. Вскрикиваю и оседаю на пол.

— Анята, — обеспокоенно вздыхает Рома и пытается меня вернуть на диван. — Иди сюда.

Я под громкие стоны, что льются из динамиков и запутывают мысли, отползаю от дивана.

— Вы что реально меня вдвоем решили употребить? Одномоментно?

— Тебя надо переодеть, — Тимур бесшумно встает.

— Да даже тут, — вскидываю руку на телевизор, — такого не делают.

И тут на экране появляется второй мужчина. Высокий и поджарый блондин в цветастых шортах.

— Да вы издеваетесь... — я в растерянности моргаю.

— Анюта, — тянет с улыбкой Рома и тоже покидает диван, оставив бокал на пол. — Что ты так удивляешься?

Тимур поднимает меня ноги. Поглаживает по лицу, скользнув взглядом к губам:

— Если тебе любопытно, кто будет сзади...

— Ты... — судорожно выдыхаю я.

— Сообразительная девочка.

Рома медленно расстегивает замок платья. Ребром ладони поглаживает по позвоночнику и рывком оголяет плечи и грудь. Тимур пресекает мое желание прикрыться руками и удерживает запястья стальными пальцами, оглядывая грудь. На экране девушка целует по очереди двух голых возбужденных мужчин.

Руки Ромы накрывают грудь, а в губы впивается Тимур. Испуг и тревожные мысли оседают и меня с головой охватывает сильная дрожь. Сопротивление угасает, сознание, за-

мутненное алкоголем, плавится и смыкаю веки, покачнувших на нетвердых ногах.

Ладони Ромы скользят по животу, а затем рвут платья по заднему шву. Оно падает к ногам. Тимур легонько кусает за нижнюю губу, и через мгновение я уже развернута лицом к Роме. Глаз я не открываю.

— Посмотри на меня...

— Я не хочу...

— У меня есть идея, — хитро шепчет Тимур. — Ром, сними галстук.

— Понял тебя, — хмыкает Рома

Чужие стоны оглушают, отравляю кровь желанием, которое я прежде не испытывала. И мне не сбежать, не скрыться. Тимур накладывает на глаза и затягивает на затылке галстук, влажно шепнув на ухо:

— А ты выдумщица, Анечка. Одобряю.

Подхватывает на руки, и меня покачивает в густой темноте, словно на волнах теплого моря.

Глава 13. Впечатлительная жертва

Тимур укладывает меня на кровать. Чувствую под кожей мягкий шелк. Судорожно выдыхаю, когда слышу подозрительное шуршание. Раздеваются, потому что звук молнии я точно ни с чем не спутаю. Рада, что не стану свидетельницей торопливого стриптиза.

Так. Требований ко мне быть активной и игривой шлюхой не было. Да я бы и не смогла. Поэтому я отползаю от края кровати и лежу. Бревном, как бы сказали опытные и искушенные женщины. Матрас едва заметно пружинит, и я поджимаю губы. Кричать бесполезно. Я должна отключиться от реальности, уйти в мысли и отдать тело на растерзание.

— Анята, — Рома поглаживает меня по бедру. — Сладкая девочка.

— Анечка, — Тимур ложится рядом и пробегает пальцами от пупка до солнечного сплетения.

Я тут ради семьи. Ради младшего брата-идиота и мамы. Я их опора и надежда... Когда одни горячие губы касаются мочки, а вторые накрывают правый сосок, все мысли лопаются в голове мыльными пузырями. Прикосновения обжигают, а руки, что скользят по голому телу, плавают тонкую кожу. Меня закручивает в водоворот странных ощущений.

Я в темноте, и кожа стала слишком чувствительной. Едва касаются кончиками пальцев груди, плеч и живота, а я каж-

дый раз вздрагиваю, будто к телу прикладывают раскаленные монетки. Такое впечатление, что легкие ласки оставляют за собой шрамы. Кожа и мышцы впитывают прикосновения, запоминают их и отзываются дрожью.

Тимур и Рома мягко сжимают соски, и я не могу сдержать стон от легкой судороги. Открываю рот, чтобы сделать глубокий вдох, и в мои губы кто-то голодно впивается. Я потеряна в пространстве и густом мраке. Один язык ныряет глубоко в рот, второй режет плечо горячим и влажным кончиком.

Одна рука на груди, вторая поглаживает живот и сантиметр за сантиметром спускается к лобку, а затем дразняще переходит к бедру. Теплые пальцы пробегают по внутренней стороне и у самой промежности возвращаются к колену. Шумно выдыхаю, потому что была готова к тому, что меня бесстыдно коснуться между ног.

Ладони невесомо проходят по плечам и предплечьям и обхватывают запястья. Через секунду мои руки прижаты теплым, твердым и очень продолговатым предметам. Под пальцами чувствую бархатную кожу. Тянут ниже, и я машинально стискиваю две пары яичек.

— Полегче, Аня, — шепчет Рома, поглаживая грудь. — Будь нежнее. Это же тебе не мячики.

Я ослабляю хватку, а потом и вовсе отпускаю яички, чтобы затем пробежать пальцами по стволам и внимательно ощупать то, что придется принять в себя. Должно прийти

смирение с участием куклы для забав.

— Нет... — глухо отзываюсь я, едва обхватив пальцами каменные основания. — Да как же так...

Я не особо разбираюсь в размерах мужских достоинств, но даже я, не знавшая мужчин, могу с уверенностью сказать — непростительно большие. По длине сантиметров двадцать. У каждого. Может, есть погрешность, но она незначительная.

— Кто-то очень удивлен, — хриплый голос Тимура пьянит разум.

— Я бы хотел увидеть твои глаза, Аня, — Рома пробегает пальцами по нижней губе, — но и твой открытый ротик тоже радует.

Одергиваю руки, сажусь и стягиваю повязку. В просторной спальне царит интимный полумрак. Я сглатываю. Я должна их увидеть и осознать масштабы предстоящего безумия. Облизываю губы, тереблю в пальцах галстук и медленно дышу. Вижу их мускулистые голени, лодыжки и ступни. И мои ножки по сравнению с их — очень скромные и небольшие.

— Аня, — воркует Рома и касается горячим бедром моего бедра. — Ты еще с нами?

Поднимаю глаза к потолку, и вряд ли он обрушится. Набираю полной грудью воздух, выдыхаю и оглядываюсь, прижав галстук к животу.

Глава 14. Упрямая девочка

Лежат на черных простынях самодовольные подлецы, закинув за головы руки. а чего бы им не быть самодовольными? Они хорошо сложены. Поджарые, с четко очерченными кубиками пресса и ни грамма лишнего жира. Видно, что следят за собой и занимаются физическими нагрузками.

Опускаю взгляд ниже и медленно выдыхаю. Не знаю, что меня больше пугает: темные головки, вздутые венки или все же размеры. Моргаю и перевожу взор на лица. Я в одной постели с двумя мужчинами.

— Не хочешь нас изучить? — с тихой хрипотцой спрашивает Рома.

— Изучить? — сипло повторяю я.

— Да, — Тимур щурится, окидывая меня возбужденным взглядом. — Ты взволнована, Анечка, и это твой первый раз, а его стоит начать со знакомства, чтобы ты привыкла к нам.

— Очень мило, — выдыхаю я.

Честное слово, лучше бы они уже взяли меня силой, склонили к близости, а не вели сомнительные игры. Изучить? Одарить ласками и поцелуями? И поцелуями куда?

— Секс — это прежде всего про познать друг друга, — Рома опускает взгляд на мою грудь.

И я с его словами согласна, но познавать я бы хотела, во-первых, одного мужчину, а, во-вторых, того, с кем бы легла

в постель не из-за крупной суммы денег. По любви, которой тут не место.

— Анюта, — Рома садится и целует меня в плечо. — Наша упрямая девочка.

Вытягивает из пальцев галстук и отбрасывает его в сторону. Будь я поприветливее с ними в школе, данная ситуация бы повторилась? Одолжили бы они мне в долг без всего этого, будь мы друзьями?

Накрывает теплой ладонью грудь и шепчет:

— Тише.

И вновь целует. Тимур не вмешивается, наблюдает, словно притаился в засаде.

— Закрой глаза.

Смыкаю веки. И прикусываю кончик языка, чтобы легкой болью себя отрезвить.

— Представь того, в кого ты была влюблена...

Я распахиваю глаза и недоуменно смотрю в лицо Ромы, который в удивлении изгибает бровь.

— Хочешь сказать, что ты не влюблялась?

— Я... — хлопаю ресницами.

— Серьезно? — Рома недоверчиво вглядывается в глаза.

Я испытывала симпатию однажды к старшекласснику, но она прошла за две недели. И я не хочу его представлять, потому что не помню его имени и лица. Потом меня немного смутил коллега, когда шоколадку подарил, но я его вычеркнула из списка потенциальных “влюбленностей”, когда он и

другим девушкам преподнес сладости. Я влюбляюсь в персонажей фильмов, сериалов вместе с героинями, а после окончания забываю их.

— Удивляешь, Анечка, — тихо отзывается Тимур.

— Закрой глаза, — вновь шепчет Рома. — Так даже лучше.

Подчиняюсь.

— Просто почувствуй мою руку, — его дыхание обжигает шею.

Поглаживает левую грудь, медленно скользит к правой и горячо выдыхает в плечо. Мое внимание следует за ладонью, что спускается к животу, а затем к бедру. Бежит к колену, поднимается по внутренней стороне, и мне кажется, что горячая кровь сгустком следует за рукой Ромы.

Когда пальцы накрывают промежность, я судорожно выдыхаю. Чувствую под ладонью Ромы пульсирующий жар, что проникает под кожу и охватывает низ живота. Целует под мочку, легко давит на раскаленный бугорок между опухших складок, и я вздрагиваю под теплой волной, что бежит от кончиков пальцев ног до макушки. Медленно рисует круги, и от каждого умелого и уверенного движения меня накрывают судороги.

Он ускоряется, разгоняя нарастающие всплески, и я с громким стоном прижимаю свою ладонь к его и поддаюсь вперед, широко распахнув глаза, в которых на несколько секунд темнеет. Комната исчезает в черных пятнах, спазмы

сжигают нутро, а затем стихают слабыми и редкими вспышками.

Рома укладывает меня на спину, и Тимур пробегает пальцами по моему подбородку и шее. Потолок покачивается в такт биению сердца.

— У тебя красивые и мелодичные стоны, — прикладывает руку к солнечному сплетению, и я закрываю глаза.

Глава 15. Извращенцы!

Меня из сна вырывают кокетливые женские крики:
— Тимур! Тима! Зайчик! Я пришла мириться! Тимур.
Все втроем резко садимся, в недоумении моргаем.
— Что за...

Цокот каблуков и в спальню wpłyает высокая фигуристая блондинка с ровным каре. Короткое белое платье, модные шпильки с тонкими ремешками. Она оглядывает меня, Рому и Тимура и как завизжит сиреной, широко раскрывая алый рот и прижав кулаки к щекам. Я неконтролируемой панике переваливаюсь через сонного и недоуменного Тимура, перекатываюсь к краю его огромной кровати и падаю на мягкий ковер.

— Ай! — больно бьюсь локтями и пяткой поврежденной ноги. — Черт!

Девушка делает вздох и опять орет по новой.

— Ада! — рывкает Тимур. — Заткнись!

— Господи, аж уши заложило, — шипит Рома.

— Какого хрена ты тут делаешь?! — рычит Тимур, а я прячу пунцовое лицо в руках, лежа на спине.

— А ты?! Вы?! — визжит Ада. — Что это за шлюха?! Как вы... Что вы... — и опять срывается на крик.

— Да пасть ты свою закрой! — повышает голос Рома.

— Ах, ты сука! — восклицает Ада и судя по яростному

стуку каблуков идет через спальню, чтобы мне навалить.

Приподнимаюсь на локтях. Да, так и есть. Тимур соскакивает с кровати, и едва успеваю, поднять и согнуть ноги в коленях, чтобы он не споткнулся.

— Ада! — Тимур кидается к ночной гостье, и та с остервенением его бьет сумочкой по голове и плечам. Он едва уворачивается от ударов, прикрываясь руками. — Да, мать твою, Ада! Дрянь такая!

— Скотина! — роняет сумку и сжимает кулаки.

Рома спешит на помощь другу. Подскакивает со спины, заламывает Аде руки, и та кричит, дернувшись в сторону Тимура:

— Мудак!

Странное зрелище. Два голых мужчины и красивая ревущая блондинка в шикарном и очень откровенном платье.

— Гадина! — Ада рвется в мою сторону, и Рома с рыком тащит ее прочь. — Потаскуха!

Я ложусь на спину и складываю руки на груди, решив не отсвечивать лишний раз.

— Как ты вошла? — голос Тимура звенит ярость.

— А у меня есть ключ-карта, сукин ты сын!

— Так это я не потерял ее, а ты ее стащила?

— Стащила! Да! Чтобы сделать тебе однажды сюрприз!

— Охрененный ты мне сюрприз сделала, Ада! Вали нахрен!

— После того, как твоей... вашей шлюхе глаза выцара-

паю! Извращенцы!

— Да ты сама однажды намекала, чтобы мы тебя в два смычка отымели, — зло отзывается Рома, и опять удивленно выглядываю.

— Не было такого! — улавливаю в интонациях Ады обиду. — Да я бы никогда в жизни... Сволочи!

Он ее выволакивает из спальни. Тимур, подхватив сумочку с пола, следует за ним. У него над ягодицами две ямочки на поясице. Стягиваю с кровати простынь, кутаюсь в нее и неуклюже встаю.

— Как ты... как вы могли?!

— Я к тебе вообще никаким боком, Ада, — глухо отзывается Рома. — Чего ты опять ко мне пристраиваешься?

— Пристраиваюсь?! Это ваша сука удачно так пристроилась!

— Язык прикусила! — гаркает Тимур.

Придерживаясь за стеночку, хромаю к дверному проему. Выхожу и выдыхаю, привалившись к косяку:

— Так у тебя девушка есть, Уваров?

— Да, есть! — Ада топает ногой. — Другой вопрос, ты кто такая?!

— Вали, Аделина! — Тимур шагает к гостье, хватая ее за плечи, разворачивает спиной и грубо толкает в лопатки.

— Кто она такая?!

— Безответная школьная любовь, — касаюсь виском косяка.

Ада возмущенно оглядывается у входной двери и обескураженно смотрит на Тимура. Раскрывает на него рот в немом негодовании.

— Карту отдай, — протягивает он руку.

Ада сует ладонь в сумку и швыряет в лицо Тимура черную пластиковую карту:

— Да подавись, мудила

Гордо тряхнув волосами, выходит и хлопает дверью, а затем до меня доносится приглушенный и отчаянный вой. Ковыляю к стойке, на которой красуется початая бутылка вина.

— Иди в кровать, — хрипло порывается Тимур и медленно разворачивается ко мне. — В темпе, Анечка.

Глава 16. Непослушная девочка

— Иди в кровать, — повторяет Тимур и сводит черные брови вместе.

От насмешки не осталось ни следа. Я вижу перед собой не наглого развратника, а разъяренного мужчину, который не намерен терпеть мои капризы.

— Анюта, — Рома переводит на меня холодный взгляд, — иди.

А я пошевелиться не могу под тяжелым взглядом Тимура.

— Так, — он массирует переносицу. Делает вдох и выдох, а затем поднимает глаза. — Слушай, Одинцова, тебе деньги нужны, нет?

Неуверенно киваю.

— Нужны, — он тоже медленно кивает и в кривом оскале делает ко мне шаг, — тогда вопрос, что ты продолжаешь и продолжаешь сопротивляться? И почему ты делаешь, вид, что мы тебе противны? М? Ты течешь, как сука...

— Тим, — Рома щурится. — Выдохни.

Рома делает еще один шаг ко мне и резко меняет направление к стойке, хрустнув шеей. Хватает бутылку вина и делает несколько злых глотков. Вытирает губы, глядя на меня исподлобья:

— Слушай, игры в целку заводили до определенного момента, — он касается языком левого клыка и глухо продол-

жает, — а сейчас уже нет.

— Это тебя раздраконила Ада...

— Закрой... — вскидывает в мою сторону руку, грозит пальцем и понижает голос до вибрирующего шепота, — помолчи, Одинцова.

— Предлагаю дать Анюте еще время на размышления, — Рома шагает мимо к холодильнику. — Я тоже утомился.

— Это ты меня драконишь, Анечка, — Тимур ставит с громким стуком бутылку на стойку. — И зря.

Его так завел мой ответ, что я его неразделенная школьная любовь? Возможно, я сболтнула лишнего.

— Одевайся и уходи, — Тимур чешет бровь, глядя на потолок. — Завтра к семи вечера мы приедем к тебе с деньгами. Тогда и дашь ответ. И если он будет положительный, то давай, Одинцова, без капризов. Тебе двадцать пять, а ведешь себя хуже восьмиклассницы. Мы тебе дали четко понять, чего от тебя ждем. Повторить?

А в этом нет нужды, потому что его член целится прямо на меня, а я опускаю лицо, чтобы скрыть пунцовые щеки и смущение. Он прав. Я веду себя инфантильно и непоследовательно.

— Вы мне платье порвали...

— Один момент, — хмыкает Тимур и скрывается в темном коридоре за моей спиной.

Рома тем временем шарится по холодильнику и достает банку газировки. Через минуту Тимур возвращается и про-

тягивает мне иголку с катушкой черных ниток:

— Зашей, — он зло улыбается. — Справишься с этой задачей?

Киваю и выхватываю из его пальцев нитки и иголку. Прихрамывая плетусь к дивану под мрачными взглядами. Уваров и Чернов уже и сами не рады, что затеяли сомнительную игру со мной, но из-за упрямства не хотят отступать и только после моего твердого отказа уйдут в тень.

Поднимаю с пола платье, осматриваю разорванные швы и сажусь на край дивана. Унизительно. Куда более унижительно, чем если бы случился коитус. Аккуратными и мелкими стежками сшиваю края. Тимур опять присасывается к бутылке.

— Я отказываюсь от сделки, — цежу сквозь зубы.

— Вот завтра это и повторишь, — Рома с щелчком вскрывает банку. — На трезвую голову, хорошенько все обдумав.

— Я все обдумала, — сердито смотрю на него.

— Ничего ты не обдумала, Анечка, — делает глоток газировки и зеваает. — Ты взбудоражена.

— Я отказываюсь. Мне не нужны деньги.

— Если это твое твердое и обдуманное нет, то тебе не составит труда его повторить завтра, — флегматично баюкает банку в ладони.

Сцепив зубы, возвращаюсь к платью. Я и завтра откажусь, а хотят групповушки, то пусть зовут Аделину или еще кого-нибудь, у кого хватит смелости. Я не смогу. Я трусливая

и слабая идиотка, которая смирилась с участью старой девы и синего чулка.

— Я вызову тебе такси, — Рома опять зевает, чешет лобок и шагает прочь, — и помогу спуститься.

Глава 17. Босая и слабая

— Предлагаю Одинцову до дома подкинуть, — Тимур застегивает джинсы и натягивает цветастую футболку, — и в клуб. Или

— Да что-то не тянет, — отвечает Рома.

Я стою у окна и смотрю на ночные огоньки внизу. Как же я высоко, у меня аж голова кружится.

— Может, тогда в картишки? — предлагает Тимур. — Ты, как обычно, просрешь, а я отыграю.

— Да просрал-то один раз, — фыркает Рома. — Выпил лишнего и потерял концентрацию.

Подходит со спины бесшумным хищником, подхватывает на руки:

— Не желаешь составить нам компанию, Анюта? — с улыбкой всматривается в лицо. — Вдруг ты мой талисман удачи?

— Нет, не желаю. Я не одобряю азартные игры.

— Естественно, не одобряешь, — тихо смеется Тимур и размашисто шагает в прихожую, приглаживая волосы. — Ты бы одобрила только вязание.

— Вам бы усидчивости не хватило и внимания.

— А ты умеешь вязать? — спрашивает Рома, следуя за Тимуром.

— Умею.

— Свяжи мне свитер, — с издевкой улыбается. — Это было бы мило.

— Нет.

— Да ладно тебе, — тихо и бархатно смеется. — Сидела бы долгими вечерами мыслями обо мне и провязывала петлю за петлей. И переживала бы, понравится ли мне твой подарок.

— Это бессмысленный разговор, — отвожу сердитый взгляд

— Я бы оценил глубокий минет, — шипит Тимур, — а не шерстяную тряпку.

— Он бы обязательно случился после свитера, — Рома хмыкает.

— Только если так, — соглашается Рома. — Тогда я бы и носкам был рад.

Краснею и от злости, и от смущения, потому что представила Чернова и Уварова в жутких полосатых свитерах и без штанов.

— Никаких вам свитеров, — цежу сквозь зубы. — И носков.

— Тогда только минет? — насмешливо вскидывает бровь Тимур.

Я в ярости смотрю в его почти черные глаза, и он скалится в улыбке, довольный тем, что в очередной раз вывел меня на эмоции отвратительной пошлостью.

— Мы об этом поговорим завтра, — переводит скучаю-

щий взгляд на табло, на котором сменяются цифры, — когда ты выступишь.

— Я уже дала ответ.

— Одинцова, у тебя сегодня случился твой первый оргазм в жизни, — Тимур потягивается и разминает плечи, — ты от него еще не отошла. Тебе страшно, что такое бывает.

— Да хорош. Она сейчас лопнет, — тихо посмеивается Рома. — Она же леди, а с леди об оргазмах речь не ведут.

— А когда в леди член, — Тимур с улыбкой заглядывает мне в лицо, — она кончает еще громче и ярче.

Получает пощечину. Отшатывается, улыбается еще шире и хмыкает:

— Ты многое потеряешь, Анечка.

— Одинцова! — рывкаю я и поджимаю губы.

Его “Анечка” намекает, что он остыл и опять полон игривости и желания меня подразнить. Лучше я буду Одинцовой.

— И отпусти, — смотрю на спокойного Рому. — Я в состоянии передвигаться, пусть и с трудом.

— Нет, — коротко отвечает Рома.

Начинаю нервничать, потому что он еще вздумает меня на руках внести в мою квартиру. Поврежденная нога отличный повод заглянуть ко мне в гости.

— Ром...

— Мало того что ты потянула ногу, ты еще и босиком, Анюта.

И действительно. Он же взял меня на руки и потащил, а

я благополучно забыла о туфлях.

— Надо вернуться...

Двери лифта открываются, и Рома невозмутимо выносит меня в светлый холл и с высокими потолками. К черту эти туфли. Не буду я никого из них упрашивать, чтобы поднялся за моими каблуками. Да и на туго перебинтованную ступню туфля не налезет.

В такси Рома запрещает мне опускать ступни на резиновый коврик, потому что он грязный и мало ли что можно подхватить. Усаживается на сидение и закидывает ноги к себе на колени. Сажу к нему в полоборота, а он икры мне поглаживает.

— Прекрати. Я разорвала сделку.

— Она на паузе, Аня, а глажу я тебя, — он обращает на меня надменный взор, — по-дружески, чтобы успокоить. Без всяких намеков и поползновений.

И вот как мне поступить? Драться, пинаться и кричать? Рома прекрасно знает, что я так не буду делать, ведь мне стыдно перед молчаливым таксистом, который не оценит моей истерики.

Принимаю решение молчать и игнорировать Рому, чья ладонь не поднимается выше колена. Уже прогресс. Мог и под юбку же залезть, но сдерживается. Через минут двадцать машина паркуется во дворе старой хрущевки.

— Как любопытно, — напряженно и тихо говорит Тимур. — И у кого из ваших жильцов такая тачка? Ром...

Рома придерживает мои ноги на коленях, подается вперед и не мигая смотрит туда, куда, кивает Тимур. Мне тоже любопытно, поэтому выглядываю из-за подголовника таксиста. Под фонарем, хамски заехав огромным колесом на узкий тротуар, припаркован большой, черный внедорожник с красивым номером “777”. Это все, что я могу о нем сказать.

— Точно не местный, — таксист хмыкает, и Тимур медленно кивает его словам.

Глава 18. Простой выбор

Дверь в квартиру не заперта, что меня бросает в панику и тревогу. Тимур заходит первым и озадаченно хмыкает:

— Ну, здравствуйте.

Рома вносит меня, а в прихожей на тумбе у вешалки сидит незнакомый мужик с бандитской рожей и кривым носом. И одет он, как подобает подозрительной личности, в черный спортивный костюм.

— Кто такой? — Тимур нависает над ним. — Что тут потерял посреди ночи?

— А ты? — хрипло отвечает вопросом на вопрос.

Мне жутко. Ко мне в дом вломился незнакомый мужчина, у которого пальцы забиты уродливыми татуировками.

— Тимурчик? — испуганно попискивает из кухни мама.

Рома ставит меня на ноги, и я, с опаской глянув на уродливого мужика, хромаю за Тимуром, придерживаясь за стеночку. За мной шагает Рома.

За столом кроме мамы развалился пузатый мужичок с глубокими залысинами. Краснолицый, щекастый и надменный. Пиджак как-то на нем нелепо сидит и рубашка в груди маловата. Пальцы в массивных перстнях, а на шее цепь золотая. Прямо цепь в палец толщиной. Очень карикатурный незнакомец.

— Доброго вечера, — Тимур усаживается напротив него.

— Ваш пес сидит в прихожей?

— Мой, — мужик медленно моргает и недовольно причмокивает. — А что?

мама рядом с ним всхлипывает.

— Неприятный тип, — Рома тоже садится.

— Да? — мужик удивленно вскидывает бровь и ногтем ковыряется в зубах. — Ну, он не барышня, чтобы быть приятным.

— Мам, — у меня руки холодеют. — Кто он такой? Что происходит.

— Петр Романович, — мужик переводит на меня пренебрежительный взгляд. — А ты у нас Анна?

— По какому вопросу? — тихо спрашиваю я.

— По денежному.

— Рановато, Петр Романович, — я хмурюсь. — Вы какой срок дали?

— Пять дней, — улыбается, обнажая мелкие зубы. — Ты пойми, Анна, закрались подозрения: денег я не увижу, но матушка твоя заверила, что у тебя они есть, однако...

Он оглядывает скромную кухню и вздыхает:

— Что-то не похоже, что ты при деньгах, милая. Радует только одно, что тараканов тут нет.

— Она-то, может, и не при деньгах, — Тимур откидывается на спинку стула, — но мы вполне.

— Так мне с вами вести разговор? — Петр Романович переводит скучающий взор на Рому и Тимура. — Или как?

— С нами, — твердо отвечает Рома и взгляда не отводит от щекастого лица.

Мама благодарно всхлипывает, а Тимур подается в ее сторону и улыбается в недобром оскале:

— Только вот помощь наша не безвозмездная, Инна Витальевна. Нам же потом долг будет выплачивать Анечка, либо продавайте квартиру и никто никому ничего не должен. Разойдемся с миром.

Потеют ладони, и я вытираю их о подол платья. Петр Романович в заинтересованности приподнимает бровь. Язык прилип к нёбу, и я слова не могу вымолвить. Тимур и Рома изменили правила игры. Теперь им не важен мой ответ, они хотят услышать, как выбор сделает моя мама.

— Либо кредит оформляйте, — Рома стучит пальцами по столешнице.

— Никто мне такой кредит не оформит, — сдавленно шепчет мама. — Я и так вся в долгах перед банками.

— Что? — я в недоумении хлопаю ресницами. — Какие еще долги, мама?!

Я ведь подозревала, что мать влезла в кредиты, но предпочла принять ее ложь, что она берет лишние часы. У Андрея гаджеты последние, одежда модная и довольно дорогая для сына простой учительницы. Дурно. Мне бы тоже сесть, но боюсь, что тогда я не выдержу и расплачусь от бессилия и осознания, что моя мать — глупая женщина.

— А давайте вернемся к моему денежному вопросу, —

недовольно цыкает Петр Романович.

— Тогда два варианта на выбор, Инна Витальевна. Дочь в долгу перед, как вы говорили, будущими уголовниками, или квартира? — Тимур клонит голову на бок. — Очень просто, не так ли?

Глава 19. Новая переменная в сложном уравнении с разбитой машиной

— Как несправедлив и жесток этот мир, — тянет с издевкой Петр Романович, — Никто не готов бескорыстно помочь милой девочке. По глазам вашим вижу, что планы у вас на нее не самые приличные.

— Слушай, Петр, — Тимур скалится в улыбке. — Какие у нас планы, тебя не должно волновать.

— Дерзкий? — Петр Романович вскидывает бровь. — Я тебе не мальчишка, чтобы ты со мной в таком тоне разговаривал.

У меня холодок между лопаток бежит от его низкого и урчащего, как у жабы, голоса.

— А я тебе тоже не школьник, — Тимур щурится, и его лицо становится жестким.

Рома молчит, но его безмолвие пугает так же, как и тихие слова Тимура. Глаза ледяные, лицо спокойное, взгляд прямой. Два молодых хищника напротив обрюзгшего крокодила.

— Мне нравится эта игра, — Петр Романович откидывается назад. — Такой накал страстей и напряжение. В общем, повышаю ставки.

Смотрит на маму и ухмыляется:

— Введем новую переменную в наши переговоры.

— Что?

— Мне кажется, что это неправильно, — Петро Романович отряхивает рукав пиджака. — Машину разбил Андрюша. Хорошо так разбил, шины исполосовал и помочился в салон...

— Что?! — у меня брови на лоб лезут.

Тимур медленно моргает и поглаживает подбородок:

— Неожиданно.

Мама опускает красные и заплаканные глаза и стискивает в пальцах платок.

— Я придерживаюсь мнения, что детей надо воспитывать и учить ответственности, — Петр Романович закидывает ногу на ногу. — Так? — и не мигая смотрит на маму. — Вы же педагог, верно?

— Верно, — Рома кивает. — Ближе к делу, Петр. — Очень любопытно узнать ваши методы воспитания.

— Ноги переломать... — шепчу я.

— Ноги? — Петр Романович смеется. — Как это мне поможет привести машину в порядок?

— Не знаю.

— Я предлагаю почку у Андрюши вырезать, — Петр Романович широко улыбается. — У него же их две? Одна будет моей. Я ищу донора для отца.

Мама в ужасе смотрит на Петра Романовича, а затем на

меня и вся трясется. Я обескуражена словами гостя:

— Важно, Анна, мне нужна почка именно твоего брата. Ну что, теперь у нас три варианта на выбор. Деньги или почка?

— Деньги, — сипло отзываюсь я.

— Ну и где они? — Петр Романович хмыкает.

— Мама, продавай квартиру, — сдавленно шепчу я.

— И барабанная дробь, — Петр Романович тарабанит по столу и рывкает, — она в залоге!

Мама вскрикивает и воет в платок. Я прихрамывая подхожу к столу и медленно сажусь на табуретку, опираясь руками о столешницу, чтобы не упасть.

— Как в залоге?

— Люди с одной почкой живут... — начинает Тимур.

— Если не будет осложнений, — Петр Романович ухмыляется.

— Он несовершеннолетний, — Рома хмурится. — И не близкий родственник. И операция будет незаконной, так?

— Это уже мелочи, — отмахивает Петр Романович.

— Мама, — цежу сквозь зубы, — как квартира в залоге? Мама...

— Он останется инвалидом, Анечка, — хлопает носом мама. — Или умрет на операционном столе.

— Не стоит исключать и такое развитие событий. Любая операция — это риск, — соглашается Петр Романович и шипит ей в лицо, — он обоссал мою машину, сука ты тупая. Да

я у него и печень лично выну!

— А разве не вашего сына? — Тимур вопросительно изгибает бровь.

— Но машину купил я, — рычит Петр Романович.

Могу ли я отправить младшего брата на операцию, чтобы его почка досталась старику? Я согласна, что надо учить капризных детей ответственности, но не через то, чтобы лишать их органов.

— Ты записала Андрея к психологу? — я складываю ладони в лодочку на столе и смотрю исподлобья на мать.

Кивает и громко всхлипывает. Шарится в сумочке, достает телефон и дрожащими пальцами касается экрана.

— Договорилась с нашим школьным психологом, — мама показывает мне переписку в мессенджере, — ее муж работает в реабилитационном центре для трудных подростков. Он его возьмет. Аня... Я его ремнем загоню туда...

— Деньги или почка? — Петр Романович стучит пальцами по столешнице.

Его забавляет вся эта ситуация. Он ею наслаждается и смакует каждую слезинку моей мамы.

— Деньги или почка?

Глава 20. Рыночные цены

— Почему тут нет Андрея? — тихо спрашиваю я маму. — Ему бы было полезно посидеть тут с нами на таких важных переговорах.

— Аня, он напуган. Он же...

— Ребенок? — вопросительно заканчивает фразу Рома

Петр Романович хмыкает, и невесело отзываюсь:

— Но и вашего сына тут тоже нет.

Он в возмущенном недоумении смотрит на меня, и Тимур говорит:

— Он тоже, видать, еще ребенок, если за него папка впрягается.

— Почка или деньги? — шипит на меня Петр Романович.

— Я человек занятой, Анна, а ты тянешь время.

Смотрю на маму, а у нее давно готов ответ. Как хочется встать и послать ее далеко и надолго. Пусть что будет, но тогда это была бы не я. Одинцова Анна так не поступит, потому что она любит брата-идиота, хоть и готова сама задушить его голыми руками.

— Ты ведь подозреваешь, как именно они будут требовать с меня долг?

— Да тут и ежу понятно, — Петр Романович ухмыляется.

— Я хочу услышать это от мамы, — я щурюсь. — Ма...

Мама отводит взгляд. Все она понимает.

— Сумма долга? — перевожу взор на Петра Романовича.

— А то я не в курсе.

— Сто тысяч, — он цыкает, — зеленых.

— Простите? — у меня глаза так широко никогда не расширялись. — Это можно новую машину купить.

— Милая, — Петр Романович ласково улыбается, — во-первых, такую не купить. Во-вторых, ремонт элитного авто, у которого обмочили весь салон, дело дорогое. А, в третьих, накинул сверху за моральный ущерб. Будешь ерепениться, подниму до двухсот.

— Хорошо, остановимся на двухстах тысячах, — Тимур скрещивает руки на груди.

Петр Романович удивленно вскидывает бровь. Мама всхлипывает.

— Пусть ерепенится, — Роман пожимает плечами. — Мне любопытно, к чему она ведет.

— Раз я товар, — я поглаживаю ладони, — то я должна оценить себя. Сколько стоит девственность?

Мама краснеет и в осуждении смотрит на меня. Ой, ну надо же. Я себя веду неприлично и должна молчать тупой овцой. Лицо Петра Романовича растягивается в улыбке:

— А девочка-то... не промах.

— Сколько? — обращаюсь я к Роме. — Вы же у нас по эскортницам бегаете и в курсе всего этого.

— Тебе рыночные цены или фантазии девочек? — спокойно отзывается Тимур.

— Рыночные, — я перевожу взгляд на маму, у которой высохли слезы на красных слезах.

— Девственность от двадцати до пятидесяти, — Тимур тоже взирает на нее. — Ночь с эскортницей от пяти до десяти.

— Что же, — стучу пальцами по столешнице. — Смысла нет скромничать. Буду брать по верхней планке. Пятьдесят за девственность, еще пятьдесят за мою попу, на которую Уваров облизывается, и сто за пять ночей по двойному тарифу.

Когда озвучила вслух ценники, мне будто полегчало. Я осознала, что я товар.

— Аня... — шепчет мама.

— Вырезаем почку? — вопросительно изгибаю бровь.

Опускает глаза, а Петр Романович смеется, хлопая себя по колену.

— Такие расценки вас устроят, господа? — поворачиваюсь вполоборота к Роме и Тимуру.

— Вполне, — хмыкает Тимур.

— Какой позор, — мама накрывает лицо руками. — Аня, зачем ты так?

— Мам, я очень надеюсь, что ты разберешься с кредитами, с квартирой, которая в залоге, — меня мутит, поэтому я встаю и хромаю к раковине, у которой стоит графин с водой. Наливаю в стакан воды и делаю глоток, — но помощи у меня больше не проси. Я не хочу, чтобы Андрей остался

без почки и подвергать его опасности, но его последующие ошибки и капризы меня не касаются. Он взрослый мальчик.

— Аня, — хрипло и плаксиво отзывается мама, — я тебя не так воспитывала.

— Уходи, — делаю еще один глоток, наблюдая, как с края срывается капля воды. — И вы, Петр Романович тоже. Вопрос с деньгами теперь решаете с Тимуром и Ромой.

— Завтра деньги будут, — спокойно заверяет Рома.

— Налом.

— Без проблем, — также умиротворенно отвечает Рома.

— Стоило требовать больше? — Петр Романович смеется и достает из внутреннего кармана визитку и кладет на стол. — Завтра буду ждать звонка, — тяжело встает и улыбается маме, — после вас, мадам.

Мама поднимается, бросает на меня беглый взгляд и семенит прочь, прижав сумку к груди. Хлопает дверь, и Тимур шагает из кухни. Рома разворачивается в мою сторону. Раздается щелчок замка, и я внутри вся сжимаюсь. Возвращается Тимур и приваливается к косяку плечом:

— Ну что, Анечка, на колени, — и расстегивает ширинку. — Приступим к аперитиву.

Глава 21. Наша умница

Отставляю стакан. Я солгу, если скажу, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.